

УДК 13.130

Кузнецов А. Ю.

К ГЕНЕЗИСУ ФРАНЦУЗСКОЙ ШКОЛЫ АНАЛИЗА ДИСКУРСА

У статті розглянуто деякі особливості генезису французької школи аналізу дискурсу. Виявлено тенденцію до синтезу лінгвістики, марксизму й психоаналізу у формуванні методологемі дискурс-аналізу. Проаналізовано умови креативності еклектичності філософських засад. Зроблено висновок про евристичність плюралістичних засад дискурс-аналізу.

Ключові слова: дискурс, хронотоп, креативність.

Some characters of the genesis of the discourse analysis French school have been considered in this article. The tendency to the synthesis linguistic, Marxism and psychoanalysis in the discourse-analysis method forming has shown. Creative conditions of the philosophical fundamentals eclectation are being analyzed. Conclusion has been made about heuristics of the discourse-analysis pluralistic fundamentals.

Key words: discourse, hronotop, creativity.

Говоря о направлениях исследования дискурса, в первую очередь следует обратить внимание на «французскую школу анализа дискурса». Именно так в известном сборнике не менее известного французского лингвиста Патрика Серио презентуется синтез лингвистики, марксистской философии и психоанализа. Возможно, для либеральной французской школы философствования подобный перечень и является нормой, но для академической философии постсоветского хронотопа подобная эклектика является проблематичной и, по крайней мере, требует академического же оправдания.

В последнее время проблема анализа дискурса тесно связана как с западноевропейскими историко-философскими и историко-лингвистическими традициями, так и с американскими. Многочисленные исследования в данном проблемном поле являются подтверждением этому. Это прежде всего исследования, проведенные З. С. Харрисом, Х. Саксом, Ч. Филлмором, М. Фуко, Ж. Дюбуа, Р. Робен, М. Пеше, П. Анри, Ж. Гийомом, Д. Мальдидье, Э. Бенвенистом, П. Серио, Т. А. ван Дейком, Р. Бартом, К. Фуксом. Список авторов традиционен и может быть продолжен.

Основной целью данной статьи является рассмотрение столь различных для монометодологической традиции интеллектуальных условий возникновения школы анализа дискурса. Что увидели фундаторы школы в лингвистике, марксистской философии и психоанализе столь явно креативного, что позволило им сформулировать достаточно признанное новое исследовательское пространство?

Прежде чем приступить к основной задаче, следует определиться с тем, как во французской философской традиции определяется само понятие дискурс, в том числе и структурализме. Так, П. Серио выделяет следующие значения дискурса. Во-первых,

эквивалент понятия речь в сосюрловском смысле, то есть любое конкретное высказывание. Во-вторых, единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле, то есть то, что является предметом исследования грамматики текста, которая изучает последовательность отдельных высказываний. В-третьих, в рамках теорий высказывания или прагматики дискурсом называют воздействие высказывания на его получателя и его внесение в высказывательную ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания). В-четвертых, при специализации значения предшествующего тезиса дискурс означает беседу, рассматриваемую как основной тип высказывания. В-пятых, в интерпретации Бенвениста дискурсом называется речь, присваиваемая говорящим, в противоположность повествованию, которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания. В-шестых, противопоставление языка и дискурса (*langue/discours*) как, с одной стороны, система мало дифференцированных виртуальных значимостей и, с другой, – как диверсификация на поверхностном уровне, связанная с разнообразием употреблений, присущих языковым единицам; предшествующее, таким образом, различает исследование элемента «в языке» и его исследование «в речи» как в дискурсе. В-седьмых, дискурс часто употребляется для обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказывания в силу определенной социальной или идеологической позиции (так, когда речь идет о феминистском или административном дискурсе, рассматривается не отдельный частный корпус, а определенный тип высказывания, который предполагается вообще присущим феминисткам или администрации) анализ дискурса определяет свой предмет исследования, разграничивая высказывание и дискурс [1, с. 26].

Следует заметить, что в данном контексте под высказыванием понимается последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, двумя остановками в коммуникации. Под дискурсом же – также высказывание, но рассматриваемое с точки зрения дискурсивного механизма, который им управляет.

Марксистская философия как одно из оснований школы анализа дискурса ассоциируется у прозелитов рассматриваемой школы с именем, одиозным для самого марксизма. Да и как должна была относиться ортодоксальная ветвь марксизма к автору работ, названия которых заставляли вздрагивать ревнителей методологической чистоты марксизма: «Читать “Капитал” (в соавторстве с «нечистыми» Э. Балибаром и Этамбле)», «Почему я не могу оставаться в Коммунистической партии Франции», «Заметки о психоанализе» и т. д. Речь идет об известном французском философе-марксисте, члене Коммунистической партии до 1980 года Луи Альтюссере.

Он был учеником школы Башляра, в доктрине «интегрального рационализма» которого слились в своеобразное и не лишнее противоречий единство мотивы философии Бергсона, психоанализа (особенно в варианте, представленном Юнгом) и интерес к эпистемологии. Либералистский дух философии Альтюссера во многом обязан бунтарскому противопоставлению позиции учителя большинству философских школ современности (одна из книг Башляра называется «Философия

не» (*La Philosophie du Non*. P., 1940); одновременно это название подчеркивало специфику «нового духа науки»: неевклидовой геометрии, неньютоновой физики, химии *не* «по Лавуазье»). В то же время эпистемология в понимании Башляра предстает как историческое исследование тенденций развития науки.

Интересно отметить пересечение интеллектуальных эманаций Альтюссера и его соотечественников в создании определенного контекста. Помимо влияния креативной ауры Эколь Нормаль, в создании упомянутого контекста принимали участие авангардист-психоаналитик Жак Лакан, радикальный философ марксист Луи Альтюссер, философ экзистенциалист Жан-Поль Сартр, основоположник современной антропологии Клод Леви-Стросс, один из фундаторов французской Школы Анналов Жак Ле Гофф, оригинальный комментатор Гегеля Жан Ипполит и его не менее оригинальный ученик Мишель Фуко.

Особо следует отметить слабо разработанный пласт общения французского марксиста с известным советским философом Мерабом Мамардашвили.

И здесь возникает тема, эпифеноменальная для задач данного исследования, но вносящая некоторую щемящую ноту в исследовательский контекст. Речь идет о представителях союзной или предсоюзной интеллектуальной мысли, эмигрировавших на Запад или оставшихся в лоне Союза, но внесших, по нашему глубокому убеждению, огромный вклад в развитие философии как целого. В одной из работ [2] мы, опять-таки эпифеноменально, кратко обратили внимание на новации в экономической истории Иосифа Михайловича Кулишера (род. 1878), окончившего юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Кулишер унаследовал от своих учителей следующий методологический императив – в интерпретации экономических явлений исходить, прежде всего, из принципа историзма. Особенно ярко это сказалось в последнем издании двухтомника «История экономического быта Западной Европы» [3] издания 1931 года. В этой работе есть почти все, что касается эволюции экономики от начала средних веков до середины девятнадцатого. Кредит, денежные отношения, торговля, пути сообщений, транспорт, сельское хозяйство, структура населения регионов и структуры потребления, эпифеномены экономической реальности, нравы, традиции и прочее – вероятно, все, кто читал Броделя, узнают структуру повествования, характерную для всей школы в целом.

Аналогичный вклад, на наш взгляд, в формирование методологием школы анализа дискурса привнес и российский исследователь лингвист В. Н. Волошинов, один из близких учеников М. М. Бахтина. Точно так же, как И. М. Кулишер явно или неявно указал на эвристику нового метода в экономической истории, имя Волошинова прочно связано со становлением методологических претензий школы анализа дискурса. Об этом говорят сами фундатры школы анализа дискурса. В дебатах, возникших в рамках семинара Пеше, особое место занимал вопрос о вкладе в лингвистику положений, сформулированных в работе В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке» [4]. Помимо интриги авторства относительно тех или иных формулировок, которая требует особого рассмотрения [5], книга привнесла в интеллектуальную ауру французских либералов от марксизма предмет как для объединения, так и для

размежевания. Работа, изданная в 1929 году в Ленинграде и переведенная на французский язык только после 1972 года, стала основанием следующих утверждений: «Скажем со всей прямотой, что теперь нужно исходить из Волошинова!» [1, с. 49].

Проведенный в этой книге анализ отношений между языком и идеологией, где знак отождествляется с идеологическим объектом, трактовался Волошиновым следующим образом: он считал, что «социальная психология», если отделить ее от речевого взаимодействия, рискует скатиться в мифологию и метафизику понятий типа «коллективная душа», «дух народа», типичных для славянофильской риторики. Критические же эскапады Волошинова в адрес Соссюра, репрезентируемые им как «критика абстрактного объективизма», выглядели смешением лингвистики и семиологии.

Как введшему в академический оборот понятие «семиология» Френсису де Соссюру, так и участникам дискуссии было неизвестно, что после бурных дискуссий предмет семиологии, по крайней мере как его понимал Э. Бенвениста («знаки, имеющие хождение в обществе, могут быть полностью интерпретированы посредством знаков языка, но не наоборот») в своей «Общей лингвистике» [6], столкнувшись с неразрешимыми проблемами в знаковой интерпретации как изобразительных, так и художественных систем коммуникации, после 70-х годов прошлого века захирел и, можно говорить, сошел на нет.

Возвращаясь к марксизму как к одному из «источников» школы анализа дискурса и Альтюссеру как представителю марксизма, следует отметить наделавшую немало шума в интеллектуальном мире Франции в 70-х годах XX века статью «Идеология и государственные идеологические аппараты».

В связи с отсутствием в нашем распоряжении русского варианта данной статьи, мы будем ссылаться на английскую версию этого труда, размещенную на сайте работ Альтюссера на английском языке [7].

Из этой работы в контексте нашего исследования можно выделить два фрагмента. Первый мы переведем дословно, ибо он демонстрирует классификацию идеологического государственного аппарата. «I shall call Ideological State Apparatuses a certain number of realities which present themselves to the immediate observer in the form of distinct and specialized institutions. I propose an empirical list of these which will obviously have to be examined in detail, tested, corrected and re-organized. With all the reservations implied by this requirement, we can for the moment regard the following institutions as Ideological State Apparatuses (the order in which I have listed them has no particular significance):

- the religious ISA (the system of the different churches);
- the educational ISA (the system of the different public and private ‘schools’);
- the family ISA;
- the legal ISA;
- the political ISA (the political system, including the different parties);
- the trade-union ISA;
- the communications ISA (press, radio and television, etc.);

– the cultural ISA (literature, the arts, sports, etc.)».

«Я назову идеологическим государственным аппаратом определенное число реальностей, которые презентуют себя непосредственному наблюдателю в форме отдельных и специализированных институтов. Я предлагаю их эмпирический перечень, который, понятное дело, должен быть исследован в деталях, проверен, исправлен и реорганизован. Все соответствующие этим требованиям учреждения мы можем классифицировать как идеологические государственные институты (порядок, в котором я их перечисляю, не имеет никакого существенного значения):

– религиозные идеологические государственные институты (система различных церквей);

– образовательные идеологические государственные институты (система различных публичных и частных школ);

– семейные идеологические государственные институты;

– правовые идеологические государственные институты;

– политические идеологические государственные институты (политическая система, включая различные партии);

– профсоюзные идеологические государственные институты;

– коммуникационные идеологические государственные институты (пресса, радио и телевидение и т. д.);

– культурные идеологические государственные институты (литература, искусство, спорт и т. д.)».

Именно в этом отрывке, на наш взгляд, и заложены основания теории, получившей название «теория идеологического государственного аппарата».

Альтюссер понимает под идеологией не что иное, как воображаемое отношение индивидов к реальным условиям их существования. Так, в буржуазном обществе целью идеологии выступает воссоздание условий производства, причем в том числе буржуазного же мышления и сознания, ибо без них невозможно само существование данного способа производства. Именно таким образом, по Альтюссеру, и происходит воспроизводство обеспечивающего буржуазный порядок типа личности. Два основных вида государственного аппарата функционально дополняют друг друга – репрессивный и идеологический, который использует идеологию как средство духовного подавления. И если индивид соглашается с идеологической трактовкой его места в обществе, и поступает в соответствии с занимаемым положением, то есть «знает свое место», то в его социальных горизонтах, возможно, и не всегда комфортно, но безопасно.

Второй интересный для нас раздел этой работы называется «Ideology Interpellates Individuals as Subjects». Именно в этом разделе Альтюссер вводит новую категорию – категорию «субъект идеологии».

И именно данный раздел с его тезисом о том, что идеология превращает индивидов в субъекты, привела последовательных проводников идей школы анализа дискурса к выводам о том, что идеология выступает неким посредническим уровнем между индивидуальной своеобразностью и абстрактной универсальностью. Не рассматривая все интерпретации данного тезиса, скажем только об одной, которая,

на наш взгляд, породила целую методологему относительно субординации текста и субъекта. В рамках этой методологемы взрывалась целостность как пишущего, так и читающего субъекта. И отсюда тенденции рассмотрения субъекта только как предмета критики.

Одним из парафраз подобной критики является следующий абзац из вышеупомянутой работы «Квадратура смысла», содержащей ряд статей французских философов и лингвистов 70-х годов. «Ограничением при производстве дискурса является все то, что помимо языка делает некий дискурс определенным дискурсом; таким образом, имеется в виду формирующая дискурс социально-историческая ткань. Текст, целостность которого отсылает к элементу, связанному с одним каким-либо субъектом или с одним каким-либо институциональным организмом, оказывается расплывленным. Текст обладает значением только в соответствии с условиями его производства, а также и в соответствии с условиями его толкования. Текст, вопреки обычным представлениям, не формируется связующими его элементами». Здесь, таким образом, впервые формулируется мысль, которая станет центральной в развитии анализа дискурса, мысль о том, что невысказанное, имплицитное является составным во всяком дискурсе. Эта мысль приведет к выработке понятия «интердискурс» [1, с. 36].

Возвращаясь к лингвистике как к одному из оснований школы дискурса, следует отметить в качестве основополагающей совместную статью Пеше, Ароша и Анри под названием «Семантика и соссюровский перелом: язык, речевая деятельность, речь», опубликованную в 1971 году.

Разумеется, никто не оспаривал кардинальность положения Соссюра о дихотомии «язык – речь», в котором основоположник структурной лингвистики продемонстрировал, что речевая деятельность состоит из двух диаметрально противоположных сущностей – речи и языка.

Отличие языка от речи в нескольких тезисах может быть сформулировано следующим образом: язык – система знаков и грамматическая система, обязательная для всех членов языкового коллектива; язык социален; язык – потенциален (то есть то, что может быть сказано); язык – только определенная часть языковой деятельности; язык – это симфония, речь – то, как эту симфонию исполняют; язык – психическое соединение смысла и акустического образа; язык – конвенционален; язык – лексико-грамматическая система, совокупность единиц и правил, с помощью которых каждый человек может создавать индивидуальные речевые произведения. Относительно речи эти тезисы могут быть лапидарно выражены следующим образом: речь индивидуальна; речь – «акт изъявления воли и разума»; это индивидуальные комбинации, зависящие от воли говорящих, и акты говорения; речь – актуальна (реализация потенциальной системы); речь – материальна.

Однако в вышеназванной статье под «соссюровским эпистемологическим переломом» понимается прежде всего соотношение значения и значимости. Речь уже идет о различном понимании субординации понятия и акустического образа, которые связывает языковой знак. Позднее выражения «понятие» и «акустический образ» заменяются терминами «означаемое» и «означающее». Эти два термина не очень

четко описываются в теории Соссюра, находят свое место в методологеме школы анализа дискурса, которая связывает значение с речью и, соответственно, с субъектом, а значимость – с языком, причем фундаторы школы особенно выделяют понятие «значимость». Такое прочтение отрывало язык от субъективных определенностей, что и явилось впоследствии новым проблемным полем в исследованиях школы.

Особенно скрытыми оставались основания, усмотренные неопитами школы анализа дискурса в психоаналитических исследованиях Фрейда и Лакана. Уже Альтюссер в своей работе «Читая Капитал» говорит о необходимости применения методологических новаций психоанализа, несмотря на жестко критический задор в адрес последнего марксистских хранителей чистоты учения.

Подразумевая, что в любом тексте существует нечто скрытое, можно говорить о тайне двойственности существования, с которой так привычно работалось психоанализу и в частности Лакану.

Последний вышел за рамки как классического структурализма, так и ортодоксального фрейдизма, наметив новые перспективы исследований.

Он предполагал, что бессознательное так же структурировано, как и язык. Поскольку это структура, постольку возможно рациональное истолкование бессознательного через поиски взаимосвязей его эмпирического и теоретического уровней. Для Лакана двучленная формула связи бытия и сознания не верна. Креативным источником, порождающим и понятия, и вещи является речь. Признавая за Фрейдом заслугу совершения «копернианской революции в философии», Лакан дезавуирует и гегелевское представление о понятии как времени вещи, так и фрейдовское вне времени находящееся бессознательное.

Важнейшими же реперными точками существования для Лакана выступает вопрос о соотношении реального, воображаемого и символического. Именно эти понятия позволяют синтезировать прошлое и настоящее. В отличие от Фрейда здесь «сверх-Я» замещается символическим, «Оно» – реальным, «Я» – воображаемым. Бессознательное символическое противостоит у Лакана сознательному воображаемому, реальное же по существу остается за рамками исследования.

Соответственно своим исследованиям, Лакану приходится опираться на некоторые положения структурной лингвистики, в том числе и Соссюра. Однако это сразу же перерастает в критическое «поправление» фундаторов направления. Особо остро это проявилось в отношении тенденций десемантизации языка. Если у Соссюра, как было замечено выше, идея знака ассоциировалась с целым, объединяющим понятие (означающее) и акустический образ (означающее), то Лакан формулирует положение об обособлении означающего. Скорее всего, берущий верх опыт практикующего врача-психоаналитика укреплял его в вере, что означающее оторвано от означаемого, что наглядно демонстрирует речевой поток пациента невротика.

«Искусство аналитика должно, напротив, состоять в том, чтобы постепенно лишать субъекта всякой уверенности, пока не рассеются последние призраки ее. И именно с членением дискурса связаны этапы их исчезновения.

Сколь бы пустым дискурс ни казался, он таков лишь на поверхности: вспомним слова Малларме, сравнивавшего повседневное употребление языка с хождением монеты, у которой чеканка на обеих сторонах давно стерлась, и которая переходит из рук в руки "в молчании". Метафоры этой довольно, чтобы напомнить нам, что слово, даже донельзя стертая, сохраняет ценность *tesser'a*.

Даже ничего не сообщая, дискурс демонстрирует существование коммуникации; даже отрицая очевидность, он утверждает, что слово конструирует истину; даже имея целью обман, он играет на вере в свидетельство.

Психоаналитик знает лучше кого бы то ни было, что самое главное – это услышать, какой "партии" в дискурсе доверен значащий термин; именно так он, в лучшем случае, и поступает, так что история из повседневной жизни оборачивается для него обращенной к имеющему уши слышать притчей; длинная тирада – междометьем; элементарная оговорка, наоборот, – сложным объяснением, а молчаливый вздох – целым лирическим излиянием. Таким образом, смысл дискурсу субъекта сообщает удачно расставленная пунктуация. Вот почему перерыв сеанса, при нынешней технике отмеряемого чисто хронометрически и совершенно независимо от течения дискурса, есть своего рода ритмическое членение (скандирование), которое успешно играет роль вмешательства, служащего для приближения заключительных моментов. Тем самым конец сеанса выводится из рамок рутинной процедуры и начинает служить полезным задачам техники анализа» [8].

Отсюда образ языковой сети, превращающей мир в ироничный текст, что впоследствии становится одной из доминант постмодернистской культуры. Как говорил ученик Лакана, Гранов, «быть пленником или путешественником в сети, иногда путешественником поневоле, это – судьба каждого. Сплести сеть – совсем другое дело, это – удел немногих» [9, с. 166].

Таким образом, в конечном счете Лакан исходит из того, что бессознательное представляет собой «суммарный результат речи о субъекте». Не что иное, как язык, в своей дискурсивности, прерывности и расчлененности создающий предпосылку для рационального познания психического, и является сферой бессознательного. «Бессознательное структурируется как язык» – такова максима Лакана, лежащая в основе его «структурного психоанализа». Дословно воспроизводимое или по-разному конкретизируемое это высказывание характеризует почти все его труды. Уточнения, которые он делает по поводу структуралистского понимания бессознательного, касаются разъяснений относительно того, что подразумевается под субъектом. Пересматривая классическое определение субъекта, Лакан возражает против декартовской формулы: «Я мыслю, следовательно, я существую». Он также считает, что фрейдовский подход к человеку недалеко отстоит от картезианского, поскольку субъект в понимании Фрейда – такой же несомненный факт существования, как и у Декарта. По мнению Лакана, картезианская трактовка субъекта не способствует раскрытию подлинной сути и закономерностей развития человеческой психики. Действительный субъект отнюдь не представляет собой единства мышления и существования. Субъект не есть живой субстрат, или субстанция. Для Лакана субъект

– это прежде всего «субъект бессознательного», существование которого обнаруживается в разрывах речи, но не самого говорящего, а «Другого». Как таковой, он соотносится не с другим субъектом, а с «означающим». Более того, субъект, по словам Лакана, рождается только тогда, когда «означаемый появляется в поле зрения „Другого”». Таким образом, можно сказать, что субъект в лакановском «структурном психоанализе» детерминирован речью «Другого», то есть без него нет и самого субъекта.

Завершая наш анализ, можно резюмировать следующее. Лингвистика сформулировала тезис о том, что текст, вопреки обычным представлениям, не формируется связующими его элементами. Здесь, таким образом, впервые формулируется мысль, которая станет центральной в развитии анализа дискурса, мысль о том, что не высказанное, имплицитное является составным во всяком дискурсе. Также в рамках лингвистики оформилось проблемное поле субординации означаемого и означающего.

Марксизм, прежде всего в лице Альтюссера, сформулировал положение о том, что идеология выступает неким посредническим уровнем между индивидуальной своеобразностью и абстрактной универсальностью, тем самым взорвав целостность как пишущего, так и читающего субъекта.

Психоаналитики же заострили мысль на структуре языка как бессознательного, тем самым актуализировав вопрос о соотношении реального, воображаемого и символического.

Литература:

1. *Квадратура смысла*. Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.
2. Кузнецов А. Ю. До генезису методологем гуманітарного знання // Наукові записки Харківського військового університету. Соціальна філософія, психологія. – Х.: ХВУ, 2004. – Вип. (3) 21.
3. Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. – М., 2004.
4. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. – Л., 1929.
5. Иванов В. В. // http://ameshavkin.narod.ru/litved/grammar/ivanov/iv_bah.htm
6. Бенвениста Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
7. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an Investigation) // <http://www.marxists.org/reference/archive/althusser/glossary.htm>
8. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе // <http://lacan.narod.ru>
9. Гранов В. Filiations: Будущее Эдипова комплекса. – СПб., 2001.